

В шесть часов вечера небо совсем потемнело, и солнце лениво опустилось к самому краю горизонта.

В классе то и дело шуршали страницы. На кафедре усыпляюще вещал учитель математики: его ровный, монотонный голос бубнил над сложной графической задачей, нагоняя на учеников неодолимую дремоту.

На задней парте сидел парень. Голова его была опущена, так что лица толком не разглядеть — лишь длинная каштановая челка почти полностью закрывала брови.

Школьная куртка висела на нем мешком — молния расстегнута, воротник съехал. Из-под нее виднелась белая рубашка с парой небрежно распахнутых верхних пуговиц. Ткань слегка натягивалась на ключицах, создавая вызывающе неряшливый, даже дерзкий вид.

Подперев подбородок одной рукой, парень лениво листал лежащую перед ним книгу. Тонкие пальцы с четко очерченными костяшками белели на фоне темной парты. Длинные черные ресницы бросали тень на глаза, во всем его облике сквозила сонная, расслабленная скука. На тетради по математике лежала раскрытая манга — тонкие пальцы изредка поддевали край страницы, переворачивая лист.

В шесть пятнадцать оглушительно зазвонил звонок с последнего урока. Сонное царство мгновенно испарилось: школьники зашевелились, спешно пакуя рюкзаки и готовясь к штурму столовой.

Учитель не стал затягивать урок. Он прекрасно понимал, что физически удержать детей за партами еще можно, а вот их мысли уже давно витают над тарелками с горячим ужином.

— На этом закончим. Свободны, — бросил он, подхватил портфель и первым вышел за дверь.

Класс зашумел. Кто-то крикнул с порога:

— Юй Лань, жрать идешь?

Юй Лань — тот самый любитель манги — лениво поднялся, буркнул в ответ что-то утвердительное и вместе со своим соседом по комнате Се Сюньнем направился к выходу.

В этот час в столовой яблоку негде было упасть. Юй Лань брезгливо поморщился, глядя на бурлящую человеческую массу у раздачи. Торчать в очереди не хотелось, поэтому он просто схватил один из готовых обедов в пластиковых ланч-боксах и нашел свободное место.

Набор состоял из трех пресноватых на вид блюд — стандартный баланс мяса и овощей, начисто лишенный какого-либо намека на изысканный вкус. Аппетита эта стряпня не вызывала.

Ковыряясь в рисе, Юй Лань отложил палочки и ровным тоном сообщил приятелю:

— На вечернюю самоподготовку я не вернусь.

Се Сюньян, не отрываясь от еды, кивнул:

— Снова тренировка у сборной?

— Нет, — Юй Лань дерзко приподнял бровь, и на его губах заиграла ленивая ухмылка. — Собираюсь свалить из школы и развлечься.

Се Сюньян так и застыл с набитым ртом.

Юй Лань числился спринтером в школьной сборной по легкой атлетике. Для него прогулять вечерние занятия не составляло труда: достаточно было бросить дежурному, что его вызвали на тренировку. Главное — не попадаться на глаза тренеру.

— Ты страх потерял? — Се Сюньян опасливо огляделся и зашептал с театральным трагизмом в голосе: — Ты же буквально в этот понедельник на линейке перед всей школой клялся, что больше ни разу не перелезешь через забор! Твои слова гроша ломаного не стоят!

Юй Лань равнодушно пожал плечами:

— Текст извинения писал не я. Мне его подсунули, я и зачитал по бумажке.

Когда он вот так лениво прикрывал глаза, в чертах его лица проступало что-то холодное, даже эгоистичное.

— Ночевать-то в общагу вернешься? — вздохнул Се Сюньян.

— Не-а.

Юй Лань был личностью легендарной. О его проделках знала вся школа, а сам он являлся чистокровным, ярким Альфой.

Каждый понедельник ровно в полвосьмого утра, во время торжественной церемонии поднятия флага, вся школа затаив дыхание ждала его появления на трибуне. Вот только если приличные ученики поднимались туда за грамотами и чтобы поделиться секретами своей высокой успеваемости, то у Юй Ланя была совсем иная миссия. Он зачитывал покаянные письма. Список его прегрешений включал практически все пункты «Правил поведения учащихся», шедшие после слов «категорически запрещено» и «строго карается». Словом, Юй Лань был

классическим хулиганом и кошмаром учителей.

Но была одна деталь: этот негодяй был чертовски хорош собой. Дерзкий взгляд, шальная улыбка и легкий налет подросткового бунтарства творили чудеса. Каждое его небрежное, зачитанное сквозь зубы извинение заставляло сердца юных Омег внизу биться чаще, а их щеки — пылать румянцем. В итоге после каждого его «покаяния» статистика школьных романов резко ползла вверх. Стоило ему спуститься с трибуны, как его карманы забивались любовными записками от Омег и Бет, а пару раз ему умудрялись подкинуть признания даже другие Альфы.

Настоящее ходячее бедствие для неокрепших умов.

Выйдя из столовой, Юй Лань проигнорировал учебный корпус.

В угасающих багровых лучах заката он привычным, отточенным движением взлетел на забор, перемахнул на ту сторону и не спеша направился в сторону ближайшего компьютерного клуба.

Толкнув стеклянную дверь, Юй Лань зашел внутрь. Опустив голову, он выудил из кармана удостоверение личности. Густые длинные ресницы отбросили мягкую тень на его скулы.

Он поднял взгляд и скользнул пластиковой картой по стойке администратора:

— Мне отдельную кабинку, пожалуйста.

Девушка за стойкой встретилась с ним взглядом и на секунду забыла, как дышать.

В неоновом свете клуба глаза парня казались невероятными — чистая, прозрачная, как дорогой коньяк, янтарная радужка. Тонкие веки, чуть приподнятые к вискам уголки глаз придавали ему дерзкий, почти хищный вид, который удивительно контрастировал с юношеской мягкостью очертаний алых губ.

Девушка замороженно уставилась на него и лишь спустя пару секунд опомнилась. Проведя картой по терминалу, она виновато улыбнулась:

— Извините, у вас на балансе не хватает денег даже на час.

Юй Лань разблокировал телефон, открывая код для оплаты:

— Закиньте сотню.

— У нас сейчас акция: закидываете двести — пятьдесят получаете в подарок, — заученно предложила администратор. — Так гораздо выгоднее.

Юй Лань равнодушно кивнул:

— Давайте.

Завершив оплату, Юй Лань забрал карту и прошел в изолированную кабинку. Стоило закрыть за собой дверь, как удушливый, хаотичный коктейль из чужих феромонов, витавший в общем зале, наконец отступил, позволив вздохнуть с облегчением.

Включив компьютер, он с ногами забрался в глубокое кожаное кресло, нацепил наушники и расслабленно уставился в монитор. На экране запустилась свежая серия какого-то пафосного и драйвового аниме, которое сейчас активно хвалили на форумах.

Тем временем в школе пронзительно завыл звонок, возвещая о начале самоподготовки.

По лестнице с первого этажа неторопливо поднимался высокий юноша в безупречно отглаженной школьной форме.

Описать его внешность простым словом «красивый» было бы кощунством — здесь больше подходило «прекрасный». В его чертах сквозило благородство старинных портретов: чистая, как сияние луны, и мягкая, словно полированный нефрит, классическая красота. Кожа юноши казалась почти прозрачной, точеные черты лица — безукоризненными: благородный разлет бровей, идеально прямой нос и, главное, пленительный разрез глаз-фениксов, способный растопить любое сердце.

Чжоу Мянь. Еще один Альфа, чье имя гремело на всю старшую школу Цзянцзинь.

Бессменный лидер в рейтинге успеваемости параллели, председатель студенческого совета второго года обучения и по совместительству — гроза всех прогульщиков, дисциплинарный инспектор.

Предыдущий дисциплинарный инспектор излишне рьяно исполнял свои обязанности и в итоге был отправлен местными хулиганами на больничную койку. С тех пор желающих занять расстрельную должность не находилось. И Чжоу Мянь благополучно совмещал обе роли по сей день.

Ходили слухи, что имена всех несчастных Альф, Бет и Омег, рискнувших подкинуть ему любовные признания, на следующий же день красовались на доске позора учебной части с официальным выговором. Список этот обновлялся регулярно и выглядел весьма внушительно. Но даже это не могло остановить лавину первой любви: каждое утро на парте Чжоу Мяня неизменно вырастала новая стопка конвертов.

Председатель студсовета шел по коридору учебного корпуса. Во всем его облике сквозила безупречная аккуратность: застежка школьной куртки доведена ровно до горла, воротничок заглажен стрелочкой к стрелочке, прямая осанка и длинные стройные ноги. От него веяло недостижимой, ледяной строгостью.

Звонок смолк, за закрытыми дверями классов начались занятия, и коридор погрузился в глубокую тишину.

Тишину нарушил дробный топот ног: из дверей туалета кубарем вылетел запыхавшийся старшеклассник. Заметив Чжоу Мянь, парень побледнел и на ходу затараторил, пытаясь оправдаться:

— А, председатель! Я это... живот прихватило, я уже бегу в класс!

Беглец оказался членом школьной сборной по бегу — коллегой Юй Ланя по беговой дорожке.

Чжоу Мянь едва заметно кивнул и спокойным, ровным голосом спросил:

— Разве у вас сегодня нет вечерней тренировки?

Его низкий, бархатистый голос обладал приятным, благородным тембром, ласкающим слух.

Собеседник удивленно моргнул:

— Да нет вроде. С чего бы?

Чжоу Мянь слегка прищурился. Проводив парня взглядом, он задумчиво повернул голову к окну кабинета по соседству. Сквозь чисто вымытое стекло было отлично видно, что парта Юй Ланя сияет идеальной пустотой.

Брови председателя сошлись у переносицы.

Вплоть до десяти часов вечера, когда прозвенел звонок об окончании самоподготовки, Юй Лань в классе так и не объявился.

Вернувшись в общежитие, Се Сюньян привычным и отточенным движением взбил постель друга, засунул под одеяло огромную ростовую подушку и тщательно подоткнул края. Холмик получился убедительным — со стороны казалось, что на кровати кто-то скатался калачиком и крепко спит. Стоило погасить свет, и эта уловка без труда ввела бы в заблуждение любого

дежурного.

Обычно после отбоя обход делали старосты этажей. К мелким шалостям вроде ночных побегов они относились сквозь пальцы, позволяя прогульщикам благополучно выходить сухими из воды. Но сегодня судьба решила сыграть с ними злую шутку: в коридоре послышался голос Чжоу Мяня, который лично решил проконтролировать обход.

В этом корпусе жили исключительно Альфы и Беты — у Омег был собственный, изолированный корпус. Поэтому парням не приходилось стесняться, двери комнат часто стояли нараспашку.

Се Сюньян только-только закончил возводить «баррикаду» на кровати друга и запрыгнул на свою койку, как мимо открытых дверей их комнаты ураганом пронесся сосед-Бета из соседней секции, панически вопя на ходу:

— Твою мать, твою мать! Председатель Чжоу идет! Срочно обратно, надо хоть духами прыснуть!

Появление Чжоу Мяня — признанного школьного идола и эталонного Альфы — в жилом корпусе посреди ночи было для влюбленных Бет и Омег пределом мечтаний и главным событием недели.

А вот у Се Сюньяня от этих слов похолодело внутри. Он испуганно скосил глаза на кровать Юй Ланя. Подушка-то под одеялом лежала сносно... Вот только головы и шеи у этого «спящего» не наблюдалось физически!

Обычного старосту этажа еще можно было бы обвести вокруг пальца, сославшись на то, что парень укутался с головой, но дотошного Чжоу Мяня провести было невозможно.

«Твою ж дивизию, нам хана!» — мысленно взвыл Се Сюньян.

Он кувырком скатился с кровати, одним движением выдернул подушку из-под одеяла и зафутболил ее под койку. После чего рыбкой нырнул в постель и лихорадочно застучал по экрану телефона, строча предупреждение другу.

«Тревога! Нам крышка! Срочно дуй назад!»

Едва он успел запихнуть мобильник под подушку, как в дверь вежливо, но настойчиво постучали.

Се Сюньян сглотнул вставший в горле ком и пискнул:

— Войдите!

Дверь распахнулась, и в комнату вереницей потянулись дежурные. Чжоу Мянью зашел последним. Он остановился у самого порога. Холодный белый свет потолочной лампы падал наискось, оставляя половину его красивого, точеного лица в густой тени.

Сопровождавший его староста-Альфа недовольно зыркнул на Се Сюньяня:

— Время отбоя. Почему свет до сих пор горит?

— Да я это... уже выключаю, — заюлил Се Сюньянь.

— Где твой сосед? — строго спросил дежурный, сверяясь со списком.

Вообще-то комната была рассчитана на четверых, но двое других парней оформили приходящий режим и ночевали дома. Так что в комнате фактически жили только они с Юй Ланем. И сейчас, в отсутствие главного дебошира, комната выглядела пустой и сиротливой. Одинокая фигура Се Сюньяня на фоне незаправленной пустой кровати напротив являла собой зрелище поистине жалкое.

Молчавший до этого Чжоу Мянью медленно поднял глаза. Его взгляд, глубокий и темный, сфокусировался на Се Сюньяне.

У того мгновенно затылок покрылся липким потом.

— Юй... Юй Лань еще не вернулся. Но он уже бежит! Буквально на подходе!

Юй Лань как раз дошел до самого зубодробительного момента, где главный герой экран за экраном раздавал тумаки злодеям, когда экран его телефона взорвался безумной серией уведомлений от Се Сюньяня:

«Срочно назад!!! Председатель лично пошел с проверкой по комнатам!!!»

«Се Сюньянь отправил вам срочный вызов!»

«Се Сюньянь отправил вам срочный вызов!»

Юй Лань едва не выронил телефон. При виде слов «председатель студенческого совета» его лицо недовольно перекошило.

«Да чтоб тебя. Опять этот рафинированный чистоплюй».

С тех пор как Чжоу Мянй взвалил на себя обязанности дисциплинарного инспектора, вольготной жизни Юй Ланя пришел конец. Его с завидной регулярностью ловили, заставляли стоять у позорного столба, писать бесконечные объяснительные и зачитывать их перед всей школой.

Буквально на прошлой неделе он решил среди бела дня сбежать с уроков, чтобы покататься на скейте. И надо же было столкнуться нос к носу именно с Чжоу Мяннем! В итоге Юй Лань битых полчаса под завывания ветра зачитывал свое покаяние прямо под развевающимся государственным флагом на плацу.

Старые обиды еще не успели остыть, а этот несносный отличник уже примерял на себя роль новой занозы в заднице.

Юй Лань раздраженно цыкнул сквозь зубы, резким движением выключил компьютер, вылетел из кабинки и, поймав у дороги такси, помчался в школу.

К счастью, он успел вовремя — входные двери общежития еще не заперли на ночь. Теперь оставалось только просочиться в комнату и, если возникнут вопросы, соврать, что во время проверки он просто засиделся в туалете. Отмазка стандартная, прокатит.

Ворвавшись в вестибюль, Юй Лань первым делом выслушал порцию отборной ругани от дежурного вахтера, который пообещал в следующий раз оставить его ночевать на улице, и пулей взлетел по лестнице.

Перескакивая через две ступеньки, он сердито ворчал себе под нос:

— Да чтоб этого Чжоу черти драли... Нюх у него, что ли, собачий? Стоило мне один раз на пару часов слинять, как этот индюк приперся с проверкой! Заняться ему больше нечем?

Не успел он договорить, как, подняв голову на очередном пролете, замер. На верхней площадке, прямо у выхода в коридор, стоял силуэт, отбрасывая длинную размытую тень на кафельный пол.

Юй Лань невольно отпрянул от неожиданности. Какого черта кто-то торчит здесь посреди ночи памятником самому себе, да еще и загораживает проход?

Тусклый свет из коридора бил незнакомцу в спину, оставляя его лицо в полной темноте. Юй Лань, не разглядев, кто перед ним, недовольно бросил:

— С дороги.

Силуэт даже не пошевелился.

Юй Лань, едва сдерживая раздражение, повторил чуть громче:

— Слышь, приятель, сдвинься в сторону.

На этот раз незнакомец молча сделал шаг вправо, освобождая проход.

Юй Лань, даже не удостоив его взглядом, быстро проскочил мимо, поднялся на площадку и свернул в коридор, направляясь к своей секции. Он сделал пару шагов... и вдруг резко затормозил. Что-то в этой молчаливой фигуре показалось ему до странности знакомым.

Догадка ледяным током прошла его мозг. Юй Лань замер на месте, чувствуя, как лицо заливают краской, и медленно, очень медленно повернул голову назад.

«...»

Повисла звенящая, неловкая тишина. Спустя полминуты Юй Лань понуро опустил голову и выдавил из себя самую невинную из своих улыбок:

— О... Председатель Чжоу. Какая встреча. Доброй ночи.

<http://bllate.org/book/19921/1989706>